

ЛИХОРАДКА, ГОРЯЧКА

Тургенев в романе «Накануне» пишет о Елене: «Восемнадцати лет она чуть не умерла от злокачественной лихорадки; потрясенный до основания, весь ее организм, от природы здоровый и кренкий, долго не мог справиться: последние следы болезни исчезли, наконец, но отец Елены Николаевны все еще не мог без озлобления толковать об ее нервах». У Пушкина в «Повестях Белкина» мы встречаем: «Иван Петрович осенью 1828 года занемог простудною лихорадкою, обратившеюся в горячку, и умер».

Но почему же в наше время никто не болеет лихорадкой, почему никогда мы не встречаем такого диагноза? Какую из известных нам болезней подразумевали под словами *лихорадка, горячка* Радищев, Пушкин, Герцц, Гоголь и другие писатели XVIII—XIX веков?

Если попытаться ответить на этот вопрос при помощи современных толковых словарей — «Словаря русского языка» С. И. Ожегова, 4-томного «Словаря русского языка» и 17-томного «Словаря современного русского литературного языка», то нас ждет неудача. В первых двух нет болезни под таким названием: *лихорадка* определяется не как болезнь, а как «болезненное состояние, сопровождаемое жаром и ознобом».

17-томный Словарь (помимо переносных значений) предлагает такую разработку этого слова: 1. Болезненное состояние, сопровождающееся жаром и ознобом. — Простудная, крапивная, нервная и т. п. лихорадка. || Разговорное. Инфекционное заболевание, характеризующееся периодически повторяющимся повышением температуры и ознобом; малярия. — Болотная лихорадка. — Лихорадка бьет, трясет и т. п. — Дрожать, трястись как в лихорадке. || Разговорное. Болячка.

Ни к одному из этих значений употребление слова *лихорадка* в цитатах из произведений Пушкина, Тургенева

и других авторов XVIII и XIX веков не подходит. Очевидно, что в те времена слово *лихорадка* обозначало не болезненное состояние (как, например, головокружение, тошнота, сонливость и т. п.), сопровождающее какое-либо заболевание, а само заболевание, болезнь. Слово это обычно употреблялось в словосочетаниях, типичных для слова *болезнь*: заболеть лихорадкой, чуть не умереть от лихорадки, подценить лихорадку и т. п. «Насилу воскресая. Я был очень болен горячкою или лихорадкою, или бог знает чем, да и теперь еще не совсем выздоровел» (Батюшков. Письмо П. И. Гнедичу, 26 января 1811); «Кайсаров почти месяц болел лихорадкою» (Архив братьев Тургеневых. Т. II).

Может быть, эти употребления относятся к выделенному в 17-томном словаре разговорному оттенку, синонимичному слову *малярия*? Ведь и в наши дни в разговорно-обиходной речи *малярию* иногда называют *лихорадкой*.

Существование синонимических отношений между словами *лихорадка* и *малярия* (к сожалению, не отмеченное в «Словаре синонимов русского языка» под редакцией Э. Е. Александровой) можно подтвердить многочисленными цитатами, в которых *лихорадка*, *малярия* выражают одно понятие: «Заражение болотной малярией вызывает смертельное заболевание для европейцев в тропиках (так называемая желтая лихорадка)» (Советов. Общая гидрология); «Когда я узнал, что комар может заразить меня лихорадкой, мыши разносят чуму, это поразило меня» (М. Горький. Рассказ о герое): «И ты здесь, Семен? — Здесь, — проговорил он сквозь дробный звук зубов. — Лихорадка у меня, Прокофьевна. Малярия эта самая» (Бирюков. Чайка).

Но совершенно очевидно, что в цитатах из произведений Пушкина, Батюшкова, Тургенева слово *лихорадка* не обозначало малярию. В этих цитатах мы встречаем упоминание о причине, вызвавшей болезнь, и эта причина (у Пушкина — простуда, у Тургенева — «нервы») ясно показывает, что *лихорадка* в их языке обозначала какое-то заболевание, не имеющее ничего общего с малярией.

Слово *малярия*, заимствованное по свидетельству Ю. С. Сорокина (см. книгу «Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века». Л., 1965), из итальянского языка не ранее 1830 года, вначале имело очень зыбкое значение и примерно три-четыре десятилетия обозначало скорее не болезнь, а причину,

ее вызывающую, — *malaria* 'злокачественный воздух', от *malu* (женский род — *mala*) — 'плохой' и *aria* 'воздух' — 'плохой воздух'. Так, например, «Настольный словарь для справок по всем отраслям знания» под редакцией Ф. Г. Толля, впервые отметивший в 1864 году слово *малярия*, дает ему такое определение: «Так называется неисследованное в точности вещество, имеющее влияние на здоровье живого организма». «Русский энциклопедический словарь» И. И. Березина в 1874 году также дословно повторяет это определение. Но если Пушкин, Батюшков, Тургенев имели в виду не болезненное состояние и не малярию, то какое же значение, с нашей точки зрения, имело в их языке слово *лихорадка*?

Обращение к старинным книгам по медицине, различным «лечебникам» не дает ответа на этот вопрос. В специальном исследовании Матвея Пекена «О лихорадках», изданном в 1791 году, нет точного, научного определения слова. Толкование его заменено рассуждением о распространенности заболевания: «Лихорадки суть наисвойственнейшие человеческому роду болезни, и без изъятия все человеки им подвержены бывают».

Другие специальные медицинские источники XVIII — начала XIX века также не дают определения слову *лихорадка*, по-видимому, считая, что читающему и так ясно, о чем идет речь.

Ответить на этот вопрос помогают толковые и энциклопедические словари прошлого века, тексты художественных произведений, где часто можно встретить подробное описание течения болезни и указание на ее причины, а также изучение синонимических связей, в которые в прошлом веке вступало слово *лихорадка*.

Из старых академических словарей мы узнаем, что *лихорадкой* в те годы называли болезнь, «коея приступы начинаются ознобом, приемлемые жаром и кончающиеся потом, или другим каким извержением». Синонимами к слову были *горячка*, *лихоманка*, *трясучка*, *трясуха*. Все эти слова в академических словарях прошлого века имеют взаимные ссылки. В Толковом словаре В. И. Даля также указывается: «У нас неясно различают слова *горячка* и *лихорадка*: обычно *лихорадкой* зовут небольшую и недлительную горячку, а более перемежную, а *горячкой* — длительную и опасную, например, нервную, желчную, гнилую и пр.».

Установление синонимических отношений между *лихорадка* — *горячка* позволяет нам для выяснения их общего значения с одинаковым вниманием относиться к любому употреблению этих слов в художественной и мемуарной литературе прошлого века. Интересно отметить, что в языке художественной литературы XIX века слово *горячка* употреблялось чаще, чем *лихорадка*. Стараясь вызвать сочувствие читателя или поразить его воображение, авторы заставляли своих героев страдать от более тяжелой и опасной формы заболевания. Поэтому заболевание персонажа горячкой, так же как и обмороки, в которые по всякому поводу и без повода падали литературные героини прошлого века, можно рассматривать как распространенный прием, характерный для литературы сентиментализма, романтизма и раннего реализма. По-видимому, этим можно объяснить более широкое употребление в языке художественной литературы слова *горячка* по сравнению с *лихорадка*.

Из биографии Дельвига, о котором Пушкин писал 20 января 1831 года Вяземскому, что он «умер гнилою горячкою», мы узнаем, что Дельвиг умер от сильной простуды, перешедшей, видимо, в пневмонию. У толстовского Пьера Безухова, с которым после плена в Орле «сделалась, как говорили доктора, желчная горячка», было что-то, похожее, по описанию, на гепатит; в романе В. М. Бахметьева «Преступление Мартына» у Мартына, «заболевшего лихорадкою», по описанию симптомов (высокая температура, девять суток полубессознательного состояния), было, по нашим понятиям, воспаление легких. У героини романа А. Г. Лебедеенко «Тяжелый дивизион», перенесшей горячку, было тяжелое нервное потрясение.

Таким образом, можно сделать вывод, что в XVIII — начале XIX века под словами *лихорадка* ≠ *горячка*, с нашей точки зрения, понималось не одно, а ряд заболеваний, объединенных общностью внешних симптомов: резкими колебаниями температуры тела, ознобом, а в конце болезни — «пóтом или другим каким извержением».

Не имея возможности поставить точный диагноз, не зная причин возникновения той или иной болезни, не имея понятия о вирусологии, медики XVIII — начала XIX века называли лихорадкой, горячкой все заболевания, которые обладали перечисленными выше признаками. Слово *лихорадка* могло обозначать такие болезни, как

тиф, пневмония, грипп, ранние стадии туберкулеза, сепсис, ряд первых заболеваний, многие аллергические заболевания, различные воспалительные процессы в печени, почках, желудке и многое другое. В этот же ряд могла попасть и *малярия*, так как и она до середины прошлого века не существовала как самостоятельное понятие.

О широте понятия, лежащего в основе значения слов *лихорадка*, *горячка* в XVIII—XIX веках, свидетельствуют также данные народных говоров. Существует до 40 диалектных слов — синонимов к *лихорадка*. Приведем лишь некоторые из них: *трясучка*, *трясуха*, *гнетуха*, *гнетучка*, *кумоха*, *китюха*, *желтуха*, *бледнуха*, *ломовая*, *маяльница*, *знобуха*, *тренуха*, *лихачка*, *лиходейка*, *знобилка*, *ворогуша*, *кума*, *мачеха*, *тетка* и т. д. Анализ этих слов показывает, что в них можно выделить три группы. I — чистые эвфемизмы, не называющие лихорадку прямо, а дающие ей условные имена: *мачеха*, *китюха*, *кума*, *тетка* и т. п.; II — названия лихорадки по какому-либо симптому: *желтуха*, *бледнуха*, *ломовая*, *трясуха*, *трясье*, *знобилка* и т. п.; III — названия лихорадки, по причине, ее вызывающей: *летучка*, *гноевая* (*навозная*), *подтынница* (*прикинулась на спящего под тыном*), *веретенница* (*на пряжу*). Если I группа отразила суеверный ужас народа перед страшным недугом, обрушивающимся на человека, стремление задобрить, не разгневать темные силы, наславшие болезнь, то III группа, особенно важная для нас, показывает, что и в народе под лихорадкой интуитивно понимали не одно, а несколько заболеваний, которые народные медики как-то отличали одно от другого, хотя бы по причине, вызвавшей заболевание. Так, *летучка* указывает скорее всего на инфекционный массовый характер какого-либо заболевания, может быть, грипп, а под *гноевой* (*навозной*), возможно, скрывались фурункулёз, какие-либо виды сепсиса, сопровождаемые нагноениями.

О том, что под лихорадкой в народе понимались разные заболевания, свидетельствуют также и народные поверья, в которых лихорадка отождествлялась с двенадцатью (или девятью) сестрами, дочерьми царя Ирода, мучающими людей. На старых иконах, лубочных картинках обычно изображали их в виде обнаженных женщин с распущенными волосами и крыльями. Упоминания об этих преданиях мы находим в русской литературе

XVIII века и в более поздних источниках: «Не упоминаю о простом народе, который смерть почитает отдельным существом и изображает оную с косою и с другими принадлежностями. Сюда ж принадлежат и те, которые, под именем болезни лихорадка, разумеют в отдельном смысле 12 сестер, то есть будто бы в свете находится 12 лихорадок» (Аничков. Слово о свойствах познания человеческого и о средствах, предохраняющих ум смертного от разных заблуждений. 1770); «Слово *лихорадка* размножило наш разговор. Он [отставной офицер, лекарь-любитель] под именем *лихорадка* разумел не знаю каких-то девять крылатых сестер, неприязненных человеческому роду, которые в земных челюстях содержатся на цепях и когда их спускают, тогда без милости нападают на людей» (Лепехин. Путешествия, 4. 1, 1771) «Тот из наших крестьян делается настоящим пахарем, кто в детстве перенес всякие тифы, лихоманки (последних народ насчитывает двенадцать)» (Н. Успенский. Издалека и вблизи): «Ты намедни говорила Лихорадка...— Я шучу!..— Что за шутки. Спозаранок, Уж поверь моим словам, Сестры, девять лихоманок Часто ходят по ночам» (Фет).

Уже то, что этих сестер-лихорадок народ насчитывал девять или двенадцать, косвенно свидетельствует о различии заболеваний и о том, что в народной медицине при общем понятии *лихорадка* 'болезнь' существовало неосознанное, интуитивное (и часто мистифицированное) расчленение ее на ряд различных заболеваний.

Бурное развитие с середины прошлого века естественных наук, в частности медицины, приводит к накоплению обширных сведений о лихорадке. На основе накопленных знаний начинают складываться новые самостоятельные понятия, обозначающие различные болезни, кроме внешних, несущественных признаков, не имеющих между собой ничего общего. В речи специалистов появляется огромное число словосочетаний со словами *лихорадка* — *горячка*, причем за каждым из них скрывается совершенно самостоятельное заболевание: гастрическая лихорадка, болотная лихорадка, желтая, анемическая, гнилая, сенная лихорадка и т. п. Некоторые из этих словосочетаний так и остались в языке специалистов как термины; некоторые были промежуточным звеном: горячка — тифозная горячка — тиф; лихорадка — болотная или перемежающаяся лихорадка — малярия; лихорадка — гастрическая лихорадка — гастрит.

Появление новых понятий делает старое значение слов *лихорадка* — *горячка* слишком широким и поэтому нежизнеспособным. На рубеже XIX и XX веков *лихорадка* — *горячка* постепенно выходят из речи специалистов, сохраняясь только в разговорно-обиходной речи, где они вступают в родо-видовые синонимические отношения с вновь появившимися словами: лихорадка — тиф, лихорадка — чахотка, лихорадка — пневмония и т. п.

«Озноб Лизы не прекращался, несмотря на высокую температуру усердно натопленной комнаты. ...Послали за Розановым. ...— Лихорадка,— сказал Розанов,— простудились? — Верно,— отвечала Лиза. ...— Я желаю знать, в каком я положении, и смерти не боюсь.— У вас воспаление легких,— отвечал Лобачевский» (Лесков, Некуда); «Азия посылает нам новый бич на Европу. ...Это горячка,— тифус» (Никитенко. Дневник); «Вскоре Анеля простудилась ...Она умерла от горячки три месяца спустя. Горячкой в те времена называли скоротечную чахотку» (Никулин. России верные сыны); «Ну, что, господин доктор? — спросила Ольга.— Тиф! Тиф! — закричал доктор — Брюшной тиф, горячка» (Гроссман. Степан Кольчугин).

В словарях переход к новому значению намечается в последней четверти прошлого века. В Словаре М. Березина осторожно говорится: «Лихорадка не всегда составляет самостоятельную болезнь, напротив того, она часто является симптомом различных других страданий». Это определение очень ясно показывает переходность момента в жизни слова: с одной стороны, лихорадка признается еще в некоторых случаях самостоятельным заболеванием, а с другой, в этом определении уже намечен путь, по которому будет формироваться новое узкое значение — «болезненное состояние, сопровождаемое жаром и ознобом».

В отличие от научной речи литературный язык очень медленно отражает изменения, произошедшие со словом *лихорадка*, и все толковые словари, вплоть до «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, продолжают давать этому слову старое традиционное определение: «болезнь, сопровождающаяся жаром и ознобом». Только «Словарь русского языка» С. И. Ожегова в 1949 году впервые дает научно обоснованное современное значение слова, без изменений переходящее в последующие словари.

На основании приведенного материала можно попытаться сформулировать значение слова *лихорадка* в цитатах XVIII — первой половины XX веков: «общее нерасчлененное название ряда инфекционных и воспалительных заболеваний, объединенных общностью симптомов: резкими колебаниями температуры тела, ознобом». Такое значение слова *лихорадка*, не соответствующее понятиям современной медицины, по-видимому, должно быть включено с пометой «устаревшее» в последующие издания толковых словарей. Кроме того, выделенный в 17-томном Словаре разговорный оттенок *лихорадка*, синонимичный *малярия*, в нормативных и в исторических словарях должен быть выведен как самостоятельное значение.

Т. А. ФОМЕНКО
Ленинград

СУДЬЯ, ЧИНОВНИК

Даже при беглом знакомстве с сочинениями XVIII века легко заметить, что для выражения одного понятия в них часто используется пять, десять, а то и более слов. Например, В. К. Тредиаковский в переводах для передачи французского *la compagnie* 'общество, компания' привлекает слова: беседа, дружина, клеветство, собрание, содружество, сообщение, сословие, стая, товарищество.

На примере слов, вступавших в XVIII веке в синонимические отношения со словом *судья*, попробуем разобраться в причинах этой, порою избыточной синонимии и обратим внимание на способы ее устранения в языке.

Прежде всего нужно отметить, что содержание слова *судья* было в то время иным, чем теперь. В раннюю эпоху русской государственности судебная, исполнительная и законодательная функции власти принадлежали князю. С ростом централизованного государства появился чиновничий аппарат, который действовал как поверенный государя, а последнему принадлежала вся полнота власти. Это выражено в Уложении 1649 года: «Суд государя царя